

ТЕАТР ЯРКИХ ЧУВСТВ

«Для того, чтобы заставить слушать, театр должен говорить талантливо, а для того у него должны быть талантливы артисты, талантливы художники и так далее».

С этих слов В. Немировича-Данченко хочется начать разговор о впечатлениях, которое произвела на нас встреча с Московским театром имени Пушкина, гастролирующим сейчас в Киеве. Вот уже около месяца выступает этот коллектив в украинской оторочке, в каждый новый показанный им спектакль заглядывает, наводит на раздумья о том, а чем состоит истинная природа театра, его очарование, его власть над людскими сердцами...

«Поднятая целина» М. Шолохова и «Романьола» Л. Скуардина, «Метель» Л. Леопольда и «Воскресенье в Риме» Г. Крамера, «Дни нашей жизни» Л. Андреева и «Разорванный рубль» С. Антонова, «Обломов» И. Гончарова и «Парусиновый портфель» М. Зощенко...

Понемногу может показаться, что в этом разнообразии репертуара нет единства. Но только до той поры, пока мы рассуждаем с точки зрения наименований произведений, составляющих сегодняшнюю афишу наших гостей.

Когда же выкопировать с каждой из этих спектаклей, ясно ощущаем внутреннюю связь между ними. Она в пристрастии театра к популярным жанрам, многокрасочной

театральности, зрелищности, увлекательности, живописности сценического языка.

Мощной симфонией прозвучала у пушкинцев «Поднятая целина». Открывается аванс, и вы сразу удивляетесь — как безгранично можно раздвинуть сценический простор, передать ширь полей, звонкость деревенского воздуха и голубизну неба.

Скрещиваются, переплетаются дорожки (художник Е. Коллеленко). Скрещиваются, переплетаются человеческие судьбы. Есть что-то от Достоевского в общей стилистике спектакля, в острой откровенности, с которой театр обнажает силу идейных схваток в яркости характеров и страстей. Торжес-

тве нового революционного мира — это и раскрытие всего лучшего в человеке этого мира — такую мысль несет спектакль.

Магумов — А. Кочетков и Давыдов — Ю. Горобеш при всей противоположности их натур — одинаково одержимы, благородны, цельны в утверждении нового мира. В этой постановке В. Равенских, как и в ряде других его работ, мы ощущаем большой талант режиссера — своеобразный, глубоко индивидуальный. Его спектакли подчас можно воспринять как полемичку (тем или иным певением в искусстве «Современному» стилистически, так как его понимают режиссеры), — а именно — категорическому отказу от иллюзорности декораций, сдержанности средств актерской выразительности, пошлости в бормотании на сцене, выдаваемом за «психологизм», — он противопоставляет открытую театральность, простоту актерских красок, синтез всех компонентов искусства театра — слова, живопись, музыку. Но поиски форм идут у него всегда от содержания, от идеи, проблемы пьесы.

В «Поднятой целине» Ра-

венских создает эпическое доктинно, направляя эстафету героических деяний Давыдовых и Магумовых в сегодняшний зрительный зал.

Можно подробно говорить об отдельных сценах спектакля, оставляющих незабываемое впечатление, например — картина партийного собрания, трагическом скорбном и торжественном финале, эпизоде ухода Лушки из села и других. Долго будет звучать у нас в памяти Варькины слова «Пропала я», полные радости безграничного счастья после встречи с Давыдовым и безысходной тоски — в сцене его гибели. Всего два слова, но какую эмоциональную ноту вносят они в весь спектакль!

Рядом с «Поднятой целиной» — «Романьола». Впервые киевляне увидели этот спектакль семь лет назад. Но и сегодня не потускнели его краски. А ведь на гастролях прошло трехсотое представление. В каждом из них неизменно играли замечательные исполнители: трех главных ролей Т. Лякида — Чечидия, Л. Гриценко — Доменика, А. Кочетков — граф.

«Романьола» — настоящий праздник искусства — темпераментный, заражающий, пла-

менный. И совсем иная тональность «Дней нашей жизни». Своей постановкой этой пьесы Л. Андреева Равенских как бы спорит с позицией ее автора, с мрачностью его взгляда на человека. Он высветливает все лучшее в героях пьесы, показывая причины, искажающие это лучшее.

Глухонцев (артист А. Доктев) страдает не от пьянства, а от глубокой несправедливости жизни, ее социальными условиями. Мать Ольга — великолепная в этой роли О. Викландт, — не сводня, стремящаяся по-выгоднее устроить свою дочь, а нищая, неприспособленная к жизни женщина, решившаяся на последнее, потому что не видит иного выхода. Как жалко она в своем старом помешании, выдавшем виды платье и сипелой, сползающей набой шляпке. Занеживающая улыбка, предупредительный тон...

Покоряет душевной чистотой Ольга — Т. Лякида.

Спектакль пронизан поэтичностью, идущей и от оформления В. Волкова, — не обыкновенно образного, и от музыки, которую можно назвать полноценным действующим лицом спектакля.

В спектакле есть сцена, которая на первый взгляд выби-

вается из общего акварельного рисунка — эпизод с офицером Мироновым, звучащий самостоятелно, жанрово. Однако нельзя не восхищаться мастерством актера В. Носика, который в рамках ему предложенного играет блестяще.

Если искать пример гармонического соединения в одном коллективе режиссерских индивидуальностей, то следует назвать прежде всего театр имени Пушкина. Спектакли другого его режиссера, О. Ремеза, показанные на гастролях, обогащают лицо театра.

Например — «Обломов», премьера которого фактически состоялась в Киеве. Отойди от хрестоматийных представлений о романе и его героях, О. Ремез прочел его взглядом сегодняшнего человека. Уже внешний облик Обломова в исполнении артиста Р. Вильда не укладывается в привычные представления. Вместо полного, степенного, обрюзгшего человека, страдающего охлышкой, перед нами худощавый высокий блондин с красивыми тонкими чертами, мягким взглядом добрых глаз. Не физическая лень, а душевная ледяная сыграв губительную роль в жизни этого Обломова.

Но откуда она? Режиссер в

исполнитель отвечает на этот вопрос в сцене, где Обломов рассуждает о бесполезности, ничтожности суетливого существования людей его круга. Актер очень тонко, интеллигентно ведет роль, шире не изменяя намеченному рисунку. Его успех разделяют и партнеры — Н. Попова (Ольга), Ю. Стромов (Штольц).

Другая работа О. Ремеза — «Парусиновый портфель» Михаила Зощенко — раскрывает новые грани его палитры. Театр этим спектаклем не только утверждает комедийное положение, от которой мы уже порядком отвыкли, но и показывает путь к ней. В шестой истории, которая произошла с Баркасовым, поставивших являет не просто смешные ситуации. Он стремится раскрыть в них человеческие характеры, отношения, хорошо чувствуя природу юмора Зощенко.

Если говорить об актерских удачах этого спектакля, то следует перечислить всех его участников, ибо каждый обладает интересным человеческим характером.

Театр имени Пушкина «голосит талантами», и в этом секрет его успеха.

А. СПИРИДОНОВА